

РЕЛИГИЯ, КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ

Ж. Т. ТОЩЕНКО

О соотношении светского и религиозного образования

Проблема образования и проблема информации, проблема знания всеми признана как одна из решающих для судеб и человечества, и каждой страны. Понимая эту роль образования, все активные общественные силы хотят приобщиться к участию в этой форме образования. И среди этих сил — представительства всех религий и конфессий, которые имеются в нашей стране.

Говоря о религиозном образовании, я хотел бы напомнить, что оно у нас получило большой импульс. Возможно, для присутствующих будет интересно услышать такие цифры. Русская православная церковь имеет 5 академий, 28 семинарий, 6 институтов, 100 гимназий и несколько тысяч воскресных школ. Не отстает и ислам, который имеет 114 учебных заведений, около 6 тыс. медресе. Только в Дагестане насчитывается 16 исламских вузов. Более того, у нас в стране зарегистрировано 62 конфессии, 20 конфессий имеют свои учебные заведения и таким образом осуществляют религиозное образование.

Хочу сразу сказать, что я ни в коей мере не выступаю против этого направления образования, даже считаю, что оно должно развиваться, совершенствоваться, увеличиваться и продолжать свой путь, как и имеющийся исторический опыт, откликаясь на

потребности современного развития. Я высказываю другое сомнение. Насколько важна сейчас

четко проявившаяся тенденция вмешательства религиозного образования в светское образование или попытка внедриться в светское образование в настоящее время? Я напомним, что у нас по Конституции школа отделена от церкви. Это требование Основного закона. Более того, провозглашается идея о свободе совести, которая трактуется так, что человек волен верить или не верить, полувверить, исповедовать те или иные верования и соответственно руководствоваться ими в своей личной жизни. Это уже второе конституционное требование.

Но что получается в реальной практике? Мне кажется, что мы сейчас должны определиться более четко по тем действиям наших церковных и религиозных иерархов, которые наметили ряд направлений вмешательства в светское образование.

Первое направление. Сейчас в центре дискуссии находятся образовательные школы. Я думаю, что начало этому наступлению в виде пожелания, а затем и требования положили иерархи нашей церкви и наш патриарх. Он на очередных Рождественских чтениях еще несколько лет назад высказал сначала пожелания введения основ право-

* Выступление на пленарном заседании III Международной научной конференции «Высшее образование для XXI века» (Москва, МосГУ, октябрь 2006 г.).

славной культуры в школы, ибо каждый наш соотечественник, цитирую, «должен историю знать своей культуры, знать ее корни и вырабатывать соответственно этому позицию». Возражать против того, чтобы мы знали свои корни, никто не будет, тем более что источником практически любой культуры является религия, которую исповедовал народ, — это бесспорная истина. Но уже произошло определенное размежевание. Уже в XVIII веке религиозное образование и религиозная наука и светское образование и светская наука достаточно четко размежевались. Об этом говорилось здесь в выступлениях И. М. Ильинского и А. А. Гусейнова. Поэтому нам и не стоит возвращаться к тому, что уже пройдено.

Я могу объяснить позицию церковных иерархов, но мне трудно понять позицию наших чиновников. В этой связи я могу напомнить, что и бывший министр образования Филиппов в 2002 г. издал распоряжение, приказ, во исполнение которого началась разработка примерного положения по предмету «Основы православной культуры». Эта инициатива была спущена всем учебным заведениям. В соответствии с ней были предприняты конкретные шаги в том, чтобы в светских учебных заведениях началось пока в опытный порядок преподавание «Основ православной культуры» (а я напоминаю, что с этого учебного года четыре области в директивном плане переведены на обязательное преподавание, а в одиннадцати областях оно проводится в виде эксперимента).

В долгу не остались и другие конфессии. Я знаю, что приняты решения Государственным советом Дагестана, соответствующими директивными органами в Башкирии и Татарстане, смысл которых таков: раз вводятся «Основы православной культуры», почему мы не можем ввести «Основы исламской культуры»? Более того, я недавно прочитал подобное решение, которое приняли и наши буддисты. Выступили не только с призывами, но подготовили учебники.

Об учебниках отдельно. Приведу в пример только один из учебников, которые рас-

пространяются в Дагестане для младших классов. В нем все построено по принципу подкорочного запоминания. В простых для усвоения текстах для младших классов (поход в зоопарк, заготовка сена, про папу и маму) разбросаны идеологические постулаты про государство ислама, где утверждается, например, что ислам — лучший строй, все остальные — от сатаны, свобода есть только в исламе. В собственно религиозную пропаганду закладываются некоторые конфессиональные противоречия.

Согласитесь, нам трудно разделять подобные взгляды и тем более мнение о том, что эти учебники должны быть в светской школе.

Решением этих вопросов занимается Академия наук и сами участники образовательного процесса. Создана комиссия во главе с академиком Чубарьяном, который считает, что нужно школьников знакомить с основами мировых религий. Если уж говорить нашим детям об одной религии, то, вероятно, надо познакомить и с другими, тем более что классы у нас неоднородные: в одном могут сидеть представители самых различных религиозных конфессий.

Здесь существенна и позиция самих учителей. Я приведу высказывание одного учителя, который десять лет преподавал «Основы православной культуры». Судя по письму, человек достаточно подготовленный, образованный и глубоко мыслящий. Он сказал: практика мне показала, что не надо эти уроки ставить первыми и не надо последними: на первые не приходят, с последних убегают. Надо ставить в середине. Что за педагогический прием, который так заставляет детей посещать уроки? А второй учитель говорит: мы пригласили местного священника, он развел такое занудство, в результате чего и те, кто благожелательно были настроены к вере, потеряли последнюю долю уважения.

Очень проблемно смотрится и факт, который связан с наступлением на высшие учебные заведения. Вы знаете, что введена подготовка специалистов по теологии, которая никогда не велась даже в вузах царской России. Они готовились в духовных учебных

заведениях. У нас в ряде учебных заведений открыты соответствующие кафедры. В Томском университете у меня был такой разговор. Там решили выяснить, куда пошли выпускники-теологи. Один пошел на работу в местный муниципалитет с общественными организациями, другой начал преподавать обществоведение. Я спрашиваю: а кто-то из них приобщился к теологической специальности? Отвечают: вроде один собирается. Это из 20 выпускников, которые связаны с этой специальностью!

Приобщилось к церкви и наше военное высшее образование. Первый такой факультет был образован в Военной академии имени Петра Великого. А в Военном институте Министерства обороны издано учебное пособие «История возникновения мира и человека. Эволюция или сотворение», где приняты доказательства библейского сотворения мира, а цивилизации делятся на святую авелиевую «Путь спасения» и каиноу языческо-атеистическую. Это в высшем учебном заведении! А в изданной в Военном университете в 2002 году монографии Носкова «Религиозный фактор и духовная безопасность» есть такие контрольные вопросы, на которые предлагают ответить слушателям: «Покажите проявления конструктивной роли религии в решении проблем государственных границ» или «Сравните понимание государственных границ в иудаизме, католицизме, протестантизме, православии и исламе». Вот такие вот вопросы.

Я могу сказать, что меня лично как гражданина, а не только как ученого, не удовлетворяет поведение государственных чиновников. Я уже однажды говорил о представителе нашего Президента в Центральном регионе Полтавченко, который выступил с поддержкой введения преподавания религиозных основ уже в детских садах. Или губернатора Алтайского края Краденого, который сказал, что в его кабинете губернатора висит икона Николая Угодника. К гражданину Краденому у меня нет вопросов, но к губернатору Краденому, который олицетворяет светскую власть, где церковь отделена от го-

сударства, у меня возникает вопрос: насколько это соответствует Конституции?

Я могу привести и другие примеры. У нас уже в этом году открыты религиозные детские и юношеские лагеря. Практически всеми конфессиями. Есть лагеря и православные, и иудаистские, и исламские. В Татарстане уже 20 таких лагерей, где обязательно введены ритуалы, связанные с исповедованием определенных вероучений.

Говоря об этих проблемах, я хотел бы обратить внимание не на то, должны или не должны развиваться эти формы образования, а на то, насколько светское и религиозное образование должны сочетаться. Я думаю, что это вмешательство религии в светское образование. Я не исключаю определенного участия церковных иерархов, представителей церкви в светском образовании, но это должно быть в форме исключительно добровольного участия, о чем решают сами родители и сам учащийся.

Я могу еще привести пример — сюжет, показанный по телевидению, вероятно, вы его видели и обратили внимание. Была присяга наших бойцов. Присутствовал при этом православный священник. Но в шеренге стояли несколько солдат, которые точно по своему облику относятся не к православной религии, а скорее к мусульманской или буддистской. Как вести себя этим людям в ситуации с участием представителей только одной религии? Неудивительно, что появились высказывания некоторых мусульманских представителей: почему допускают православных священников, а не допускают мулл, представителей других религий к соблюдению тех актов, которые, возможно, эти военнослужащие собираются или хотели бы исполнять в период своей военной жизни, военной службы?

Говоря об этих противоречиях, я хотел бы обратить внимание и на такой момент, который нас заставляет задумываться, который требует определенных размышлений и в то же время отвечает на вопрос о соотношении религиозного и светского образования. Как социолог могу подтвердить: у нас 80%

людей идентифицируют себя с той или иной религией. Называются православными, мусульманами и др. Но когда мы задаем другой вопрос: «Верите ли в Бога?», то 20% православных говорят, что в Бога не верят. В данном случае происходит идентификация со своей национальностью, со своей культурой. Сама вера как таковая — это уже другой вопрос.

Поэтому, заканчивая это выступление, я обращаю внимание коллег на необходи-

мость более четкого определения и выработки более четкой позиции. Я глубоко убежден, что настойчивость наших церковных иерархов обернется против них же.

История знает примеры, когда церковь давила на общество. Тогда порождались самые отъявленные атеисты и борцы с этой религией. Не надо, вероятно, чрезмерных усилий, чтобы мы породили то, что уже знала история человечества, история отдельных народов.